

Раздел V.

Новые методы и подходы в современных медиаисследованиях

УДК 070:001.12/.18

С.А. Базикян

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

МЕДИЙНЫЕ СЦЕНАРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ КЛАССИЧЕСКОГО МИФА В СОВРЕМЕННЫЙ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТОВ)

В статье анализируются сценарии конструирования мифов, стереотипов, штампов в медиа на примере журналистских текстов. Автором сделан вывод о том, что наиболее активно в современных СМИ выстраивается бинарная мифология, в частности, оппозиция «свои»-«чужие».

Ключевые слова: миф, медиа, «свои», «чужие», образ, идеология.

The article examines the scenario of constructing myths, stereotypes, clichés in the media on the example of journalistic texts. The author concluded that the most active in the modern media is built binary mythology, in particular, the opposition «own»-«alien».

Keywords: myth, media, «their», «other», image, ideology.

Легенда, миф, сказка – эти понятия традиционно ассоциируются в обывательском сознании с иррациональностью, мистикой, несбыточностью. Если обратиться к теории мифа, то здесь нет единой точки зрения относительно определения «мифического», более того, очень часто понятия мифа у различных мыслителей противоречат друг другу. В лингвистической истории изучения мифа этот сложный феномен трактуется как «болезнь языка» [1], ранняя психоаналитическая школа видит в мифе средство спасения «от страха истории» и сублимации вытесненных желаний [2], для социологов же миф становится отражением рода и действенным инструментом его интеграции [3]. Автору же наиболее близок семиотический подход к мифу, рассматривающий миф как своеобразную символическую систему, в терминах которой воспринимался и описывался весь мир. В традиционном обществе миф являлся «наукой», в современном социуме он превратился в идеологию.

Как в архаическом чувственном, так и в современном сверхрациональном мире люди верили, верят и будут верить в миф, так как он обращается не к логике, не к разуму, а «воскрешает» образы, паттерны, архетипы (по Юнгу) бессознательного. Мифологические образы ИНТУИТИВНО понятны каждому, что сближает миф со сказкой, легендой. Но все же нельзя отождествлять эти понятия: миф нес этиологическую, интегративную функцию, имея мало общего с реальностью, а легенда (как более позднее литературное образование) пред-

ставляет собой рассказ о реальных событиях и героях (хоть и искаженный), их восхваление, сказка же направлена на морализаторство, что мифу чуждо.

В древнем обществе миф представлял собой форму межплеменной коммуникации, выполняя символическую роль «стабилизатора», медиатора между «чужими» и «своими» во имя мира. Сегодня же миф, напротив, разделяет общество на элиту и массу, мужское и женское, Запад и Восток. В классическом обществе ведущим транслятором мифа был наиболее авторитетный член племени, рода (шаман, жрец и т.д.) – в постиндустриальную эпоху ключевыми «генераторами» мифа оказываются СМИ как единственный источник информации для большинства обывателей. Классический миф – это продукт первобытного, архаического сознания (а точнее бессознательного), первая форма культурной жизни племени, рода, в системе смысловой организации которой он играл ведущую роль. Что есть добро, зло, страх, ненависть, любовь и т.д. – все это миф объяснял в символической форме. Масс-медиа активно используют энергетику мифа классического с целью фабрикации мифа современного. Для этого используется энергетика эмоциональных символов, которые превращаются в стереотипы, ярлыки, подгоняющие сложное, новое под простое, известное. Такой стереотип за счет его мифологической, экзистенциальной основы сложно разрушать, отрицать, опровергать.

Наиболее настойчиво в современных медиа-коммуникациях «воскрешается» миф о «своих и чужих». Для анализа сценариев фабрикации данных мифов в современных СМИ автором выбраны материалы «Российской газеты» в связи с ее явной тенденциозностью, обусловленной тем, что именно это издание является официальным печатным органом Правительства Российской Федерации, являющегося ведущим автором и пропагандистом современной мифологии.

«Свои»-«Чужие» («Мы»-«Они»)

Характерной функцией данного мифа в первобытном обществе являлась способность преодолевать фундаментальные противоположности (такие крайние оппозиции, как свой-чужой, жизнь-смерть, небесное-хтоническое). Французский этнограф, социолог и культуролог К. Леви-Стросс полагает, например, что ведущая функция архаического мифа носила синтетичес-

кий характер в жизни нескольких взаимодействующих друг с другом первобытных коллективов: с помощью ритуальной медиации – связующего звена – достигалось равновесие между единством и разнообразием, совмещение несовместимого, оправдание, объяснение и утверждение необычности и непохожести обычаев и законов соседнего племени. Согласно Леви-Строссу, миф представлял собой идеологию племени, оправдание, описание его образа жизни, обычаев, традиций. Одному племени была известна мифология другого племени, в которой были сформулированы (и обыграны посредством ритуала) отличия и сходства разных коллективов друг от друга, а это в свою очередь помогало сохранять мир. Вот как обосновывает значимость подобного знания вождь одного из туземных племен: «если не знать об образе жизни друг друга, у молодых людей могут быть различия и будут происходить войны» [4]. По Леви-Строссу, миф как раз и оказывается тем «элегантным и наиболее простым средством выказывать себя сходными и отличными, близкими и далекими, дружественными, хотя и определенным образом враждебными, и враждебными, оставаясь при этом друзьями? Наш собственный образ, созерцаемый в зеркале, кажется нам столь близким, что можно коснуться его пальцем. И однако ничто настолько не далеко от нас, как это другое я, ведь имитируемое вплоть до мельчайших деталей тело отражает их наоборот, и каждая из обеих форм, узнающих себя одна в другой, сохраняет свою первоначальную ориентацию, предназначенную ей судьбой» [4].

Следовательно, цель мифа, по К. Леви-Строссу – «поиск полутени, достижение порога, удерживающего равный баланс между коммуникацией, благоприятной для взаимовысвечивания, и отсутствием коммуникации, также целительным» [4. С. 189]. Миф становится здесь политически корректной идеологией мира, воплощением бесконфликтности, предотвращающей военные столкновения между первобытными племенами, вызванные непониманием отличий и непохожести Другого. Это позволяет сделать вывод, что односторонность чужда мифу – соединение чувственного и рационального через магический ритуал или обряд дает чувство безопасности и гармонии как каждому индивиду, так и становящемуся коллективу: «Если обычаи соседних народов выражают отношения симметрии, то причину этого не следует искать в каких-то таинственных законах природы или духа. Эта геометрическая законченность также передает, в модусе настоящего, усилия – более либо менее осознанные, но несчетные, – аккумулированные историей и направленные все на одну и ту же цель: достичь порога, несомненно, наиболее полезного для человеческих обществ, где устанавливается подлинное равновесие между их единством и разнообразием» [4. С. 190].

В современном обществе оппозиция «свои» – «чужие» носит противоположную функцию – не успокоения и сплочения, а разделения мира на «они» и «мы». У «них» выпячиваются негативные стороны, у «нас» гипертрофируются положительные и замалчиваются отрицательные тенденции. Известный психоаналитик К.Г. Юнг называл это стремление к делению мира на «злых» и «добрых» проецированием собственных теневых, негативных качеств во внешний мир, что актуально и в современном мире.

«Тень» нельзя рассматривать лишь как негативную область всех личностных и коллективных психических

элементов. Она может включать в себя все нестандартное, взрывное: пророческую интуицию, предчувствие рока, нечто демоническое, загадочное, не поддающееся пониманию и не знающее тесных границ рассудка. Социально неприемлемое – это отнюдь не всегда бесполезное, напротив, зачастую «теневая» сторона личности отличается неформальным и самобытным характером. «Тень есть то, что спрятано, подавлено в большей части низменной и обремененной виной части личности, чьи основные разветвления уходят в область наших животных предков и, таким образом, включают целый исторический аспект бессознательного. Хотя до настоящего времени полагали, что человеческая тень являлась источником всякого зла, но теперь, с помощью более тщательного исследования может быть установлено, что бессознательный человек, т. е. его тень не состоит только из исключительно морально предосудительных тенденций, но выражает также ряд хороших качеств, таких как нормальные инстинкты, соответствующие реакции, основанные на реальности инсайты, творческие импульсы и т. д.» [5. С. 67].

Эти творческие содержания внутренней жизни индивида получают негативный статус именно в рамках социально-нормированного поведения, не допускающего индивидуальной непредсказуемости и неконтролируемого творческого озарения, являющихся непосредственной угрозой для косного социокультурного устройства. Культивирование инстинктивного интереса к каждой единичной «душе» не выгодно власти, поэтому она отвлекает энергию, неиспользованную ввиду отсутствия «общего дела», с внутреннего на внешнее, объявляя войну Тени: «врагам народа», оппозиционным общественно-экономическим формациям (капитализм – социализм, плановая – рыночная экономика), конкурентным товарам на рынке потребительского спроса, экономическим мигрантам, болезням, микробам, плохому настроению и т.д. и т.п.

Можно утверждать, что именно социализированная «Тень» и стала подлинной моделью динамики власти. Все, что так или иначе ему противостоит, цивилизованный человек стал рассматривать как массу вредных тварей. Инаковость – самое неприемлемое понятие для «здорового смысла», «иной» должен быть поставлен на место, дабы не выделялся своей непохожестью на массу. Масса «иных» противопоставляется массе «правильных», «чужие» противопоставляются «нашим». «Поскольку борьба против любой из этих зол не делает ощущение неопределенности менее подавляющим, чем оно было до начала схватки, и едва ли может облегчить досадное чувство беспомощности на период более длительный, чем очередной взрыв агрессии, существует постоянная потребность во все новых и новых объектах ненависти и агрессии» [6]. Вспомним и литературные контексты, начиная от Грегора Замзы, героя «Превращения» Ф. Кафки, и кинематографические – «Чужих» – эпохальную тетралогия Голливуда 70-90-х годов прошлого века.

PR-специалисты от политики услужливо отыскивают или придумывают «иных», преподнося нетерпеливой публике в предварительно обработанном и «готовом для употребления» виде. Но все усилия средств массовой коммуникации, даже самые изошренные, не дали бы ожидаемого экономического и социального эффекта, если бы глубокое и почти повсеместное чувство тревоги и обеспокоенности было направлено на искоренение его истинных причин, а не искало бы в отчаянии альтернатив-

ных поверхностных выходов.

Итак, проанализируем, как же в «Российской газете» выстраивается оппозиция «свои» – «чужие». В специальном проекте «Русское оружие» (в котором наиболее репрезентативно высвечиваются сценарии построения оппозиции «свои-чужие») размещаются новости об «удачных российских разработках» новой модификации «ночного охотника» (тактическая баллистическая ракета Искандер), о высокой эффективности стратегического бомбардировщика Ту-95, о том, как «на российско-китайских учениях топили подлодки и сбивали самолеты». В то же время «новейшие украинские минометы заклинило», «на Украине кончились деньги на военную технику», «украинский броневик треснул на испытаниях» или «у широко разрекламированного американского истребителя пятого поколения F-35 выявились серьезные недоработки в конструкции топливных баков», «новейший авианосец США признали небоеспособным», «черная дыра» американского флота – истребитель F-35 – недешевый, невидимый и ненужный», «грузинский танк развалился на ходу». Таким образом выстраивается имидж России – высокооснащенной современным оружием воительницы, украинская же «военная мощь» (которой так кичится В. Порошенко) позиционируется как фикция. И Украина, и США в данном контексте предстают как неудачливые транжиры миллионов. Но если медийный образ Украины достаточно однозначен, то США с подачи российских СМИ оказываются не только необоснованно расточительными вояками, но и беспардонными агрессорами, устрашающими более слабые страны наращиванием военного потенциала и размещением систем ПРО в Восточной Европе: «в случае начала американо-российской войны неминуемо наступит глобальное уничтожение. Получается, что Белый дом является главной мировой угрозой, а не «Эбола» и даже не террористы из «Исламского государства».

Россия же ассоциирует себя не с агрессией, а с животной сноровкой, мудростью, храбростью, предусмотрительностью за счет использования образных зооморфных метафор: «беркуты» (пилотажная группа), «ночной охотник» (новейшая модификация российского вертолета Ми-28Н), «Стрижи» (авиационные группы высшего пилотажа Военно-воздушных сил России), «Медведь» (самолет ТУ-95). Показательно, что беркут во многих культурах традиционных обществ считался священной птицей – духовным посланником богов (у индейцев), хозяином дождя, богом, вступающим в спор с самим Аллахом (у туркмен). Таким образом, мистическая, символическая сущность птицы переносится на боевую мощь России.

В то же время гонка вооружений, размещение США систем ядерного вооружения рядом с границами России заставляет последнюю активно обороняться и защищаться от невидимых потенциальных врагов, поэтому спецпроект «Русское оружие» пестрит публикациями о гиперболизированной мощи российской военной машины. Например, «новейший уникальный комплекс радиоэлектронной борьбы «Шиповник-АЭРО» сможет не только взламывать бортовые компьютеры вражеских беспилотников, но и брать управление летательными аппаратами под полный контроль», «открытие под Курском памятника «ужас НАТО» (оказывается, имеется ввиду тактический комплекс «Точка»), «российский ПТУР сжег два американских танка в Сирии».

Здесь активируется еще один классический миф – миф

о творении. В первобытном обществе появляется миф о демиурге – культурном герое, который добывает огонь, учит людей ремеслам, создает элементы мироздания и Космос в целом. Согласно новейшей отечественной мифологии подобным демиургом и является Россия. Она выступает как передовой конструктор: «назван срок появления у России гиперзвукового оружия», «у ВКС появится новый боевой самолет с лазерной установкой», «в России разработан комплекс для борьбы с боевыми подводниками» и т.д. и т.п. (в отличие от непутевых соседей на Украине, в Грузии).

Интересно, что при активации оппозиции «свои» – «чужие» происходит не только дистанцирование от «других», но и интеграция с «нашими». Так, Китай и Белоруссия выступают на страницах «Российской газеты» в качестве партнеров, друзей России. Наряду с Россией Китай успешно и экономно наращивает военный потенциал, о чем говорят венценосные заголовки: «Китай принял на вооружение новый тяжелый транспортник», «Китайские конструкторы создали раскладную гаубицу».

Нередко в политических игрищах «чужие» превращаются в «своих», когда, например, с дозволения великодушного В. Путина возобновляется поток российских туристов в Турцию, а СМИ в подробностях описывают, как радушно встречают их в турецком аэропорту с цветами и коктейлями. Но боязнь оттока значительной доли российских туристов с отечественных курортов заставляет те же самые СМИ периодически портить репутацию Турции сообщениями об опасности купания в Турции, о турецком норовирусе, о взрывах в этой стране, а успешно прошедшие в начале сентября учения российских черноморских судов «Кавказ-2016» доказали, что Россия в любой момент может превратиться из «друга» во «врага» для той же самой Турции, показав, «кто в Черном море хозяин».

Итак, в современном мире Разума миф парадоксальным образом продолжает формировать картину мира человечества. Но свою исконную культуротворческую функцию он теряет, становясь инструментом политико-медийных идеологических игр: мифы превращаются в стереотипы массового сознания из соображений конъюнктуры, а их ключевым активным выразителем оказываются медиа.

Литература

1. Мюллер М. Сравнительная мифология. М., 1853.
2. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. – 456 с.; Райх В. Психология масс и фашизм / Пер. с нем. СПб.: Университетская книга, 1997. – 382 с.
3. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1996.
4. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994.
5. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: её теория и практика. Пер. с англ. В.И. Менжулина. - М: АСТ, 2009. - 252 с.
6. Бауман З. Индивидуализированное общество: электронный ресурс. URL: <http://domknig.net/book-201.html> (дата обращения: 15.10.2010).